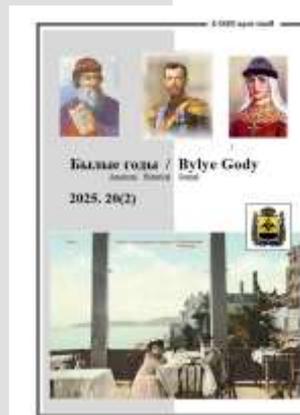

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 667-677
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.667

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part II

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to analyzing how effective was the defense system of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire in 1801–1831 at protecting local populace from steppe nomad's slave raids, and how efficiently were local officials organizing rescue of the Russian subjects already taken into slavery. The research is based on materials of the Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOR), previously mostly unpublished. Firstly, the author analyzes the overall dynamics for the number of slaves captured at the time, the number of killed during slave raids, and the number of liberated from slavery. Secondly, thorough examination of well-documented individual cases helps understand real practices of the local officials and officers.

The second part of the article shows that the officials of Orenburg borderland were quite formal in their attitude towards liberating specific people from captivity. Usually, after initial failures, they kept taking actions only at relatives' requests. Exception were slaves who had high status prior to their capture (the officers) or influential patrons. In their cases the array of actions taken to liberate them was significantly wider. However most had to either save themselves or were saved by nomads granted reward from Russian authorities. And it is the creation of a reward system for people rescuing slaves from Central Asia that provokes the least criticism out of all the courses of action of Orenburg government.

Keywords: slavery, slave ownership, Central Asia, Orenburg line, G.S. Volkonskii, P.K. Essen, Zh. Tlenshiev.

1. Введение

Защиту жителей оренбургского пограничья от захвата в рабство в первой трети XIX в. нельзя сводить лишь к предотвращению набегов степных кочевников. Уже захваченный пленник мог быть освобожден, причем иногда – достаточно оперативно, до продажи в рабство. Собственно, большая часть очерка С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров» посвящена как раз сюжету о том, как героя очерка пытаются спасти из рабства. Согласно С.Н. Севастьянову, малолеток Кожевников был освобожден благодаря действиям русских властей и лояльных России киргизских правителей уже 26 августа 1823 г., т. е. менее, чем через два месяца после пленения 1 июля 1823 г., С.А. Медведев был освобожден 31 августа, а сам И.В. Подуров – 1 ноября (Севастьянов, 1999: 199, 203).

Напротив, рассказы В.И. Даля о выбежавших из Хивы русских рабах в принципе не затрагивают сюжета о том, могли ли имперские и региональные российские власти сделать что-то для спасения этих рабов. Ф.Ф. Грушин, Т.И. Рязанов и вышедшая с ними группа рабов осуществили побег самостоятельно, еще и якобы украв лошадей из ханских конюшен (Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). Родившийся в Хиве, А. Никитин сбежал с помощью киргизца Табунбая Инкина, героизму которого отдавалось должное в соответствующем рассказе: «В заключение обязан я сказать, кто спас меня от живой смерти, вывез,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

несмотря на страшный и ненарушаемый обычай хивинцев предавать смерти всякого, кто бы вздумал увести оттоль кяфыра, неверного, в Россию — это Табунбай Инкин, киргиз, чиклинского рода, назаровского отделения, который взял меня в работники» (Даль, 1838а: 188-211).

Наконец, в некоторых записках русских путешественников по Центральной Азии упоминается об их деятельности по освобождению рабов, проводившейся по поручению российских властей. Так, П.И. Демизону в 1833–1834 гг. удалось вывезти из Бухары 4 человек (Записки..., 1983: 50). Однако данный сюжет обычно оказывается в записках путешественников периферийным, в отличие от описания страданий русских рабов.

Поэтому вполне логично, что и Е.К. Созина, реконструируя дискурс «степных пленников», сюжетам о их освобождении уделяет не так много внимания. Но там, где она касается этих сюжетов, пленники могут как бежать из рабства без помощи русских властей, так и быть освобожденными именно ими. В частности, Е.К. Созина анализирует рассказы В.И. Даля о русских рабах, самостоятельно бежавших из Хивы, включая рассказ о Ф.Ф. Грушине, который мы упоминали выше (Созина, 2016: 11). Останавливается она на сюжете повести И.И. Железнова «Василий Струняшев», в которой русский раб бежит с помощью другого русский раба, причем этот второй раб сам решает остаться в степи, так как успел жениться и завести детей среди степняков (Созина, 2016: 13). А вот в разобранном Е.К. Созиной рассказе В. Зефинова «Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года» главного героя освобождают «по требованию губернатора, поскольку его хозяин принадлежал к орде, находившейся в зависимости от русского правительства» (Созина, 2016: 11-12).

Таким образом, из литературы известен как ряд случаев, когда русских рабов из Центральной Азии освобождали местные власти, так и ряд случаев, когда подобные рабы сами или с помощью кочевников-степняков бежали от хозяев. И во второй части нашей статьи мы попытаемся понять, как власти оренбургского пограничья в первой трети XIX в. защищали русских подданных, уже попавших в руки кочевников, и часто ли удавалось вызволить их из плена.

2. Материалы и методы

Как мы упоминали в первой части нашей статьи (Peretyatko, 2025), в начале 1830-х гг. оренбургскими властями была предпринята попытка систематизировать статистику по захватам рабов и сопровождавшим эти захваты убийствам российских подданных на Оренбургской линии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37-38). Одновременно была систематизирована и статистика по освобождению пленников на Оренбургской линии в тот же хронологический период (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37-38). Следовательно, мы располагаем источниками, чтобы восстановить общую динамику обратного освобождения рабов в оренбургском пограничье первой трети XIX в.

При этом основное внимание во второй части нашей статьи мы снова уделим отдельным эпизодам, но на сей раз не захвата, а попыток освобождения рабов, поскольку и подобные эпизоды иногда оказываются тщательно задокументированными в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Для нас особенно интересно, что в некоторых случаях задокументированы оказались неудачные случаи освобождения рабов, а в одном случае сохранилась даже критика действий Оренбургской пограничной комиссии отцом пленницы.

Конечной целью второй части нашей статьи мы опять видим создание «непрерывного чередования микро- и макроистории, “крупных планов” и “общих” или “сверхобщих” планов, позволяющее вновь и вновь возвращаться к общей картине исторического процесса и уточнять ее за счет выявления бесспорных исключений и краткосрочных причин» (Гинзбург, 2004: 305). В данном случае это особенно важно, поскольку в разных инцидентах практики русских чиновников по освобождению пленников различались диаметрально.

3. Обсуждение

Как мы упоминали в первой части нашей статьи, целый ряд работ посвящен Оренбургской линии (Стромов, 2024: 272-291; Мауль, 2017: 351-361), рабовладению в Центральной Азии XIX в. (Исмаилова, 1973: 20-30; Ermachkov et al., 2021: 1171-1180) и отдельным оренбургским губернаторам (Почекаев, 2017). Существуют и работы, специально посвященные освобождению русских рабов из Центральной Азии, преимущественно из Хивы. Так, А.В. Кочнев в статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» системно анализирует политику России по освобождению русских рабов из Хивы в целом, т. е. он рассматривает не попытки спасти отдельного раба, но попытки уничтожить самую возможность для хивинцев держать русских рабов (Кочнев, 2017). Ближе всего по тематике к нашей статье изыскание И.А. Ермачкова «Русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 г.», в котором анализируется конкретный случай возврата в Россию рабов из Хивы (Ermachkov, 2021: 26–34). Некоторые из приводимых И.А. Ермачковым текстов показывают, как хотели интерпретировать оренбургские чиновники свои успехи в деле спасения рабов: «Само собою разумеется, что эти бедняки обязаны были нашему благодущному Правительству за свою свободу. <...>. Нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника, который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). Однако скрывалось ли за

такой риторикой реальное желание спасти отдельных рабов, или и в этом деле офицеры и чиновники оренбургского пограничья могли показывать ту же формальность, которую, как мы видели в первой части нашей статьи, они зачастую демонстрировали в деле защиты границы?

4. Результаты

В 1814 г. 7 киргизцев смогли «прорваться» на российскую территорию и похитить 2 людей, казака Андрея Голощапова и совсем юную, 15-ти лет, казачью дочь Аграфену Петрову (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4). В этот раз действия российских войск по преследованию похитителей увенчались удачей, но только относительной: в архивных документах зафиксировано без каких-либо подробностей, что воинская команда, отправленная в степь, смогла вернуть А. Голощапова, но не А. Петрову (мы еще раз убеждаемся, что быстрая реакция военных давала шанс спасти захваченных – но только шанс) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4). Согласно заявлению отца захваченной девушки, Антона Петрова, далее ему, а не кому-то из военных или чиновников, удалось «по разведыванию своему чрез благонадежных ордынцев» узнать поименно похитителей дочери, после чего, в январе 1815 г., он обратился с прошением, вероятно, об их задержании в Оренбургскую пограничную комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 1-10б.). Пограничная комиссия утверждала, будто бы на похитителей указало также некое «доказательство киргизца Мазыбая», но, в любом случае, именно вследствие прошения А. Петрова местные чиновники начали действовать более активно, и в итоге коменданты пограничных крепостей, не сумев захватить самих участников похищения, по крайней мере задержали 4 их родственников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4-40б.). Однако задержанные утверждали, что ни в чем не виноваты, за них вступился местный султан М.-Г. Турдалин, обещая арестовать настоящих виновников, если они будут вблизи его кочевий, и Оренбургская пограничная комиссия разрешила отпустить задержанных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 40б.-5).

После этого действия властей по спасению захваченной девушки ограничились указаниями комендантам пограничных крепостей и М.-Г. Турдалину искать, где находится А. Петрова, и организовать экспедицию по ее спасению, но с замечательной оговоркой «если <она окажется> не в дальнем расстоянии от линии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 5). Впрочем, пограничная комиссия разрешила еще в случае недостаточности подобных мер пообещать 400 руб. за доставление освобожденной пленницы – но никаких объяснений, через какое время следовало объявить о подобной награде, не давалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 5-50б.).

Отцу девушки всего этого казалось недостаточно. В марте 1815 г. оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому поступило достаточно эмоциональное прошение А. Петрова, в котором последний жаловался, что комендантами пограничных крепостей не принимается никаких реальных мер по спасению его дочери (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 1-2). Более того, А. Петров утверждал, будто бы М.-Г. Турдалин прекрасно знает, где находится его дочь, и он может представить свидетеля, готового подтвердить это (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 2-20б.). Получив прошение, Г.С. Волконский сперва обратился к пограничной комиссии, требуя «озаботиться вырубкой из плена сказанной девочки Аграфены» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 3-30б.). Однако, когда в ответ из комиссии сообщили о уже принятых мерах, они вполне удовлетворили губернатора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4-50б.).

В марте 1816 г. Г.С. Волконский получил от А. Петрова еще более эмоциональное прошение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 8-9). В нем отец рабыни уже совершенно однозначно обвинял задержанных киргизцев во лжи («можно ли тому народу верить, чтобы они сделали признательность»), Оренбургскую пограничную комиссию – в халатности («сие не иное что, как непечность Комиссии»), а продолжающееся пленение своей дочери связывал с мягкостью принимаемых мер («а чем строже поступление с ними (киргизцами – Авт.) было, то бы конечно тогда ж и дочь моя была вывезена») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 80б.). А. Петров утверждал, что его дочь теперь перемещают между разными киргизскими аулами: в первый раз ее отправили в другой аул, когда родственники ее похитителей оказались задержаны российскими властями, однако в апреле 1815 г. удалось выяснить и новое местопребывание пленницы – но Оренбургская пограничная комиссия не приняла немедленных мер по ее спасению, а девушку тем временем переместили в третий аул, «в орде Каратая» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 80б.-9). Чтобы спасти А. Петрову, ее отец призывал захватить нескольких киргизцев (вероятно, в качестве заложников) и направить к «командующему ордами Каратаю» русского чиновника с приказом отпустить девушку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 9).

Г.С. Волконский, однако, ограничился тем, что послал пограничной комиссии указание «употребить убедительнейшие меры по вырубке из плена означенной девицы» и написал «Султану Каратаю» письмо, передать которое он просил все ту же комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 10-100б.). В итоге история кончилась трагически: «Султан Каратай», К. Нуралиев, ответил, что, согласно проведенному «благонадежными Старшинами» расследованию, «та девка» была похищена не подведомственными ему киргизцами и, в любом случае, в настоящее время продана в Хиву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 13-140б.). Шансов вернуться из Хивы у русских пленников в 1810-е гг. фактически не было, и в этом контексте резолюция Г.С. Волконского «пограничной Комиссии,

препроводив в списке сие донесение, предложить о принятии деятельнейших мер и с ее стороны к выручке захваченной пленницы» выглядит почти издевательски (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 140б.). В деле нет никаких сведений о возвращении А. Петровой из Хивы, и, вероятно, она там и осталась.

Несколько позднее, уже при оренбургской военном губернаторе П.К. Эссене, в 1817 г. из Троицка бесследно исчез подканцелярист Федор Соколов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 1). Год спустя, в 1818 г., он прислал письмо из Бухары, причем местные власти сделали из этого письма вывод, что Ф. Соколов находится в рабстве у бухарского купца Бабажана Хаджисаферова, который как раз был в это время по торговым делам в Троицке (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 1-2). Казалось бы, обстоятельства способствовали спасению раба из Бухары, и Б. Хаджисаферова даже задержали, но буквально через неделю отпустили «по уважению влияния, которое могло бы иметь сие обстоятельство для торговли» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 20б.). Сам Б. Хаджисаферов (он именовал себя Б. Хаджи Сафарбаевым) на русском языке отправил П.К. Эссену письмо, в котором доказывал, будто бы «нимало не виновен» – но к этому письму прилагались взятые по просьбе Б. Хаджисаферова в Бухаре показания Ф. Соколова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 13-130б., 19-190б.). В них подканцелярист прямо писал, что, хотя его и похитили киргизцы, затем они привезли его в Бухару и продали неназванным людям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 16-160б.). Таким образом, фактически Б. Хаджисаферов сознался: если он и не захватывал российского подданного, то, по крайней мере, был связан с людьми, которые держали этого подданного в рабстве. Однако П.К. Эссен, вместо того, чтобы предпринять какие-либо меры по отношению к бухарскому купцу, ограничился тем, что написал ему письмо, в котором сообщал дословно следующее: «Сожалеея о упавшем на Вас, как Вы объясняете, подозрении в увозе канцеляриста Соколова в Бухарию, даю Вам знать, что всякое по сему предмету подозрение уничтожится само собой, когда Вы в следующем Караване вывезете Соколова на Линию; что я на Вас и Возлагаю, будучи уверен, что Вы не оставите сие с точностью исполнить» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 20).

В 1819 г. с бухарскими караванами не пришли ни Ф. Соколов, ни Б. Хаджисаферов. Оренбургские власти никаких мер в связи с этим снова не предпринимали, пока к П.К. Эссену не обратился с прошением отец Ф. Соколова, Клементий Соколов. Он утверждал, что получил от сына новое письмо, тот по-прежнему пребывает в Бухаре у Б. Хаджисаферова, и в связи с этим отец пленника просил задержать пришедшего с торговым караваном сына Б. Хаджисаферова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 24-240б.). Вот только П.К. Эссен вместо этого задержания стал требовать предписать ему полученное из Бухары письмо, и это вызвало целый виток бюрократической переписки, но спасению раба нимало не способствовало (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 29).

Ситуацию внезапно изменило вмешательство совершенно неожиданной силы. Переписка по интересующему нас делу к началу 1820 г. окончательно свелась к выяснению, куда делось присланное в 1819 г. из Бухары письмо Ф. Соколова, словно судьба этого письма интересовала П.К. Эссена больше, чем судьба его автора (в итоге оказалось, что письмо взяла с собой мать раба во время поездки к родственникам в Уфу и потеряла) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 34, 40). Однако в марте 1820 г. откуда-то узнавшие о пленении Ф. Соколова члены Симбирского женского общества христианского милосердия направили П.К. Эссену очень витиевато составленное послание. В нем указывалось, что Симбирское женское общество решило действовать, «узнав о бедственной судьбе сего несчастливца и принимая живейшее участие в страданиях ближнего» – и собрало 450 руб. на его выкуп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 35-350б.). И теперь члены этого общества желали вручить деньги П.К. Эссену, «зная, сколь внятн сердцу Вашего Высокопревосходительства стон угнетенных, сколь живейше принимаете Вы участие в облегчении жребия злополучных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 350б.).

Здесь следует отметить, что Симбирское женское общество христианского милосердия было достаточно аристократической организацией: оно было создано в 1817 г., причем основательницей выступила жена местного губернатора, Е.О. Магницкая, а высочайшей покровительницей – императрица Елизавета Алексеевна (Маханцова, 2012: 45-47). Послание Симбирского женского общества П.К. Эссену было подписано некой Верой Ивашевой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 36). П.К. Эссен в ответном письме называл ее «Милостивой Государыней моей Верой Александровной» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 38). Соответственно, это почти наверняка была В.А. Ивашева – дочь симбирского губернатора А.В. Толстого и жена генерала и помещика Симбирской губернии П.Н. Ивашева. В популярной статье о ее муже, написанной архивистом Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) А. Шабалкиным, приводится такая ее любопытная характеристика, данная одним из крепостных и сохранившаяся в фондах ГАУО: «Достойнейшая рода Толстых, которая по вступлении своем в имение, как благотворный Луч Солнечный, осветила и согрела всех своею добродетелью!» (Шабалкин, 2019).

П.К. Эссен оказался в совершенно нетипичной для оренбургского пограничья ситуации: влиятельная аристократка из другой губернии не просто лично просила его выволить конкретного раба из Бухары, но и прислала крупную сумму денег на его выкуп. Это подстегнуло оренбургского губернатора действовать куда активнее: он отписал в Оренбургскую пограничную комиссию распоряжение найти способ выкупить Ф. Соколова, а Симбирскому женскому обществу христианского милосердия сообщил, что работает над его освобождением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 37-38).

Вслед за этим П.К. Эссен распорядился организовать подписку по всей губернии, чтобы собрать дополнительные средства на выкуп Ф. Соколова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 44-44об.). В подобной ситуации и пограничная комиссия немедленно изыскала лояльного России киргизца, Юсупа Сырынова, который был готов уже летом 1820 г. ехать в Бухару выкупить раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 43). В июле 1820 г. на деньги Симбирского женского общества христианского милосердия нашелся еще один претендент: К. Соколов неожиданно прислал новое прошение, в котором утверждал, что получил от сына еще одно письмо, готов выкупить его сам и просит передать ему эти деньги (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 45-49). Однако в итоге вся эта несколько суетливая и контрастирующая с прежней пассивностью деятельность оренбургских чиновников не кончилась ничем – было решено, что Ф. Соколова попытается высвободить из Бухары направляющаяся туда российская дипломатическая миссия (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 50).

Действительно, эта миссия выкупила 10 человек (Мейендорф, 1975: 146). Однако их имена неизвестны, и, возможно, Ф. Соколова в их числе не было. Дело в том, что в архивном деле сохранилось как раз последнее письмо пленника, написанное им отцу в 1820 г. Судя по всему, оренбургские чиновники его внимательно не читали (что вполне объяснимо – письмо сумбурно и малопонятно), а в нем молодой человек писал следующее: «Прошу я у вас денег и выкупите меня, десять верблюдов железа в *Кокандт* пошлите, <...> и еще хотя восемь верблюдов, много ли надоте, или денег тысячу рублей, и ныне возьмите непременно, а, ежели ныне не возьмете, он меня он продаст далеко, нельзя ли взять, непременно возьмите (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 47об.). Таким образом, судя по этому письму, к 1820 г. Ф. Соколов был уже не в Бухаре, а в Коканде – но спасти его оренбургские власти все еще собирались из Бухары.

Истории А. Петровой и Ф. Соколова достаточно схожи. В обоих случаях у российских властей было несколько лет для активных действий по спасению рабов, однако оренбургские чиновники после некоей первоначальной активности фактически прекращали действовать по собственной инициативе. Возобновлять действия их вынуждали прошения родителей пленников – А. Петрова и К. Соколова соответственно. Особого внимания заслуживает тот факт, что в обоих случаях задерживались лица, возможно, причастные к захвату русского подданного/подданной в рабство – в первом случае родственники похитителей, а во втором случае вообще вероятный хозяин Ф. Соколова. Но в итоге задержанные лица отпускались без каких-либо предварительных условий, под одни обещания в будущем помочь в освобождении рабов, оставшиеся в результате невыполненными. В целом складывается впечатление, что персональное освобождение конкретных пленников оренбургские власти в большинстве случаев считали делом малозначимым, и, хотя и предпринимали какие-то действия для этого по просьбам родственников, но довольно формально и не слишком оперативно.

В то же время обратим внимание на то, что в 1823 г. похищенных И.В. Подурова и С.А. Медведева искали более чем активно, задействовав ресурсы нескольких пограничных крепостей, и нашли менее чем через две недели после похищения. Еще важнее в контексте нашего исследования то, что затем их даже не выкупили, а обменяли на тех захваченных киргизцев, которых потребовали освободить похитители (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153). Более того, П.К. Эссен, до этого категорически не желавший вступать в переписку с Ж. Тленшиулы, когда последний не сразу освободил И.В. Подурова, все же написал ему личное послание, хотя и оставшееся в итоге неотправленным (киргизский правитель освободил пленника до этого) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 205-206об., 234). Таким образом, в случае, когда речь пошла о спасении офицеров, а не простых казаков, солдат, крестьян или мещан, российские власти фактически удовлетворили все требования похитителей – что и позволило освободить захваченных. При этом столь же активных действий по спасению захваченных вместе с офицерами менее влиятельных лиц не предпринималось, и, например, С. Михайлов, денщик С.А. Медведева, был в итоге продан похитителями в неизвестном направлении (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398).

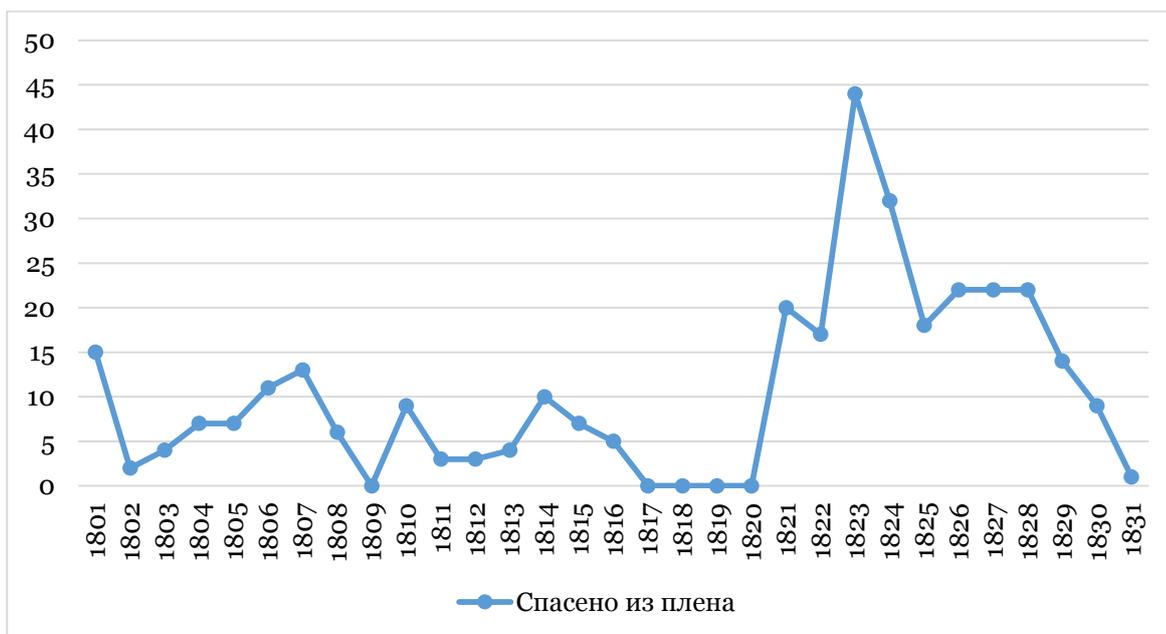
В этом контексте показательным и то, насколько активизировал свою деятельность по освобождению Ф. Соколова П.К. Эссен, когда к нему обратилось аристократическое Симбирское женское общество христианского милосердия, а не только простолюдин-отец пленника. Наиболее красноречив факт организации подписки для сбора средств на выкуп Ф. Соколова – аналогичных случаев организации властями подписки для выкупа других рабов нам выявить вообще не удалось. На наш взгляд, эта подписка была организована П.К. Эссенем не ради спасения самого Ф. Соколова, о судьбе которого оренбургскому губернатору к этому времени было известно уже несколько лет, и он не торопился принимать активных мер по его спасению. Как нам представляется, П.К. Эссен желал продемонстрировать свое благородство и благородство оренбургского общества перед симбирскими дамами и девицами. Собственно, и в формулировке подписки в пользу Ф. Соколова ее проведение напрямую связывалось с вниманием Симбирского женского общества к этому рабу: «Симбирское женское общество Христианского милосердия, принимая участие в страданиях ближнего и узнав о плачевном жребии Соколова, прислало ко мне 450 рублей, прося присоединить сии деньги к потребной на искупление Соколова сумме. Не сомневаясь, чтобы сей благой подвиг Симбирского Женского общества Христианского милосердия не нашел ревнительных подражателей между нами,

живущими в Губернии, где совершилось несчастье Соколова, я имею честь предложить в пользу его подписку» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 44-44об.).

Обратим внимание также на упоминавшийся нами в начале этой части статьи рассказ В. Зефирова «Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года». В нем описано похищение священника Орской крепости И.Г. Рязанова в 1822 г. (Зефирова, 2012). Хотя художественный рассказ нельзя считать абсолютно достоверным историческим источником, описанные в нем события идеально вписываются в ту схему действий оренбургских пограничных властей, с которой мы столкнулись при анализе случаев А. Петровой и Ф. Соколова. Когда паства начинает искать любимого священника, даже высокопоставленные военные, включая коменданта Орской крепости Д.И. Исаева, не обращаются к вышестоящим властям, а начинают самостоятельный поиск пропавшего, причем, как и отец А. Петровой, через лояльного России киргизца (любопытно для практик оренбургского пограничья, что, хотя этот киргизец взялся искать пропавшего раба только за существенное вознаграждение, в рассказе он описывается положительно и даже героизируется) (Зефирова, 2012). Только получив таким образом точную информацию о местонахождении русского раба и его хозяине, Д.И. Исаев и другие влиятельные прихожане подают прошение о его спасении не в Оренбургскую пограничную комиссию, а непосредственно к П.К. Эссену, подкрепив свое прошение ходатайствами неких «многих важных особ Оренбурга» (Зефирова, 2012). Как видим, даже в этом рассказе власти участвуют в спасении не простого русского раба, но раба, имеющего влиятельных покровителей, причем эти покровители сами, потратив свои деньги, устанавливают местоположение спасаемого.

Следовательно, можно констатировать, что уже захваченные рабы из российских подданных с точки зрения оренбургских властей делились на две группы. В первую попадали лица, персональное освобождение которых почему-то было важно (И.В. Подуров, С.А. Медведев, Ф. Соколов после обращения к П.К. Эссену Симбирского женского общества христианского милосердия). Ради их спасения власти не просто более активно осуществляли стандартные действия по поиску и спасению рабов: оказывалось возможным идти и на нестандартные меры, выполнять необычные требования похитителей, организовывать сборы средств на выкуп, посылать переговорщика для персонального выкупа пленника в Бухару и т. п. Однако обычные рабы (например, А. Петрова и Ф. Соколов до обращения к П.К. Эссену Симбирского женского общества христианского милосердия) могли рассчитывать на персональное спасение только во время краткого периода первоначальной активности властей по их поиску после похищения – и на то, что их родственники или друзья затем будут просить власти продолжать подобные действия (причем в этом случае, если среди просителей не было влиятельных лиц, активность властей становилась довольно формальной и шансов на персональное спасение у пленника было немного).

Составим теперь график числа освобожденных в оренбургском пограничье русских подданных на основании той же статистической таблицы, по данным которой мы строили графики в первой части нашей статьи. Он будет выглядеть следующим образом:

Рис. 3. Примерное число людей, освобожденных на Оренбургской линии в 1801–1831 гг. Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37об.-38.

Мы совершенно четко видим нелинейную динамику числа освобождений из плена. Пик этих освобождений приходится на 1821–1828 гг., когда ежегодно спасалось более 15 человек, притом что за пределами этого периода столько спасенных за год было только в 1801 г. Заслуживает внимания и то, что пиковым оказывается все тот же 1823 г., когда было больше всего захваченных и убитых. Число освобожденных из плена в этом году достигло 44 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.).

В тоже время следует отметить, что в данном графике в качестве освобождений из плена зафиксированы не все выходы российских подданных из рабства в Центральной Азии. Например, в 1815 г. некий Темир Ауков вывел из Бухары 12 человек, позиционировавшихся в документах в качестве «беглых татар», за что был возведен в старшины и получил серебряную печать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). В 1816 г. 16 «беглых магометан» вернул из Бухары бухарский купец Набыржан Фаизжанов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Между тем в статистической таблице, на основе которой мы составляли график, указано будто бы в 1815 г. было освобождено только 7 человек, а в 1816 г. – 5 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.). Возможно, «беглые татары/магометане» не фиксировались оренбургскими властями в качестве освобожденных пленников, хотя в их числе тоже могли быть рабы. Однако в 1813 г. султан Темир Уралиев и старшина Беркутбай Ермухамметев вывезли из все той же Бухары 5 человек именно русских, за что последний был награжден 450 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5-50б.). В таблице же указано, что в этот год было спасено всего 4 человека (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.). Таким образом, реальная численность спасенных из рабства в вышеприведенном графике несколько занижена.

Тем не менее, из составленного графика видно, что в 1801–1831 гг. на Оренбургской линии люди выходили из рабства почти ежегодно, кроме, возможно, 1809 г. и 1817–1820 гг. Как следует из приведенных выше примеров, при Г.С. Волконском регулярно удавалось выводить русских подданных не только из-под власти киргизских султанов, но и из Бухары. Как же это происходило, с учетом того, что персонально обычных рабов оренбургские власти в степи быстро переставали искать?

Прежде всего следует отметить, что существенная часть рабов бежала самостоятельно, без участия российских властей. К сожалению, детали их побегов в документах чаще всего подробно не фиксировались. Но, например, в 1813 г. на один из пограничных пикетов вышел башкирец Араслангузь Куепкулов, заявивший, что неопределенно-давно был захвачен во время набега киргизцев на российскую территорию, а теперь, «избрав удобный случай и оставив семейство, учинил побег с намерением пробраться к родственникам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 992. Л. 1-30б.). В 1814 г. на пограничный редут выбрался Семен Сажаев, уголовный преступник, то ли похищенный киргизцами, то ли сбежавший во время пересылки в Сибирь на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1-20б.). В очень подробном и поэтому важном для нас, но сомнительном по достоверности показании он рассказывал, будто бы был тяжело болен, когда люди, с которыми он шел на поселение, сбежали, захватив с собой и его, а затем передали киргизцам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). После целого ряда продаж, «по научению киргизки к побегу в Россию» (к сожалению, о том, что это была за киргизка, С. Сажаев не писал), раб украл у своего хозяина лошадь, отправился к границе, был схвачен другими киргизцами, смог сбежать и от них, снова украл лошадь, пять дней скакал на ней, пока не загнал, а потом еще пять дней шел пешком (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 20б.). В числе рабов, сумевших сбежать самостоятельно, были и подданные других государств, чаще всего Персии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1-2), и даже женщины, но подробных показаний ни одной из них, к сожалению, нам обнаружить не удалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 938д. Л. 1-3; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1194. Л. 1-60б.).

Любопытный случай произошел в 1815 г., когда Т. Ауков, недавно вывезший из Бухары 12 человек и возведенный в старшины, обратился к Г.С. Волконскому, жалуюсь, что «слуга мой, персианин, сделал от меня утечку и теперь находится в Орской крепости» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.). Т. Ауков требовал вернуть ему этого слугу, т. е. фактически раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.-2). Судя по последовавшему предписанию Г.С. Волконского Оренбургской пограничной комиссии, выдавать раба российские власти не собирались, но и наказывать лояльного России старшину за рабовладение – тоже (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 3-30б.).

Обратим внимание также на то, что в целом ряде приведенных выше примеров беглые рабы выходили на российские пограничные крепости, редуты и пикеты. Таким образом, система защиты оренбургского пограничья, не слишком эффективная против набегов киргизцев, в то же время оказывалась полезна как своеобразное место спасения беглых рабов. Выход к русским военным обозначал обретение свободы.

Другим способом освобождения рабов, который мы фактически уже неоднократно упоминали, была выручка их из рабства лояльными России киргизцами. Как мы указывали в первой части статьи, подобной деятельностью занимался даже ставший позднее лидером восстания против Российской империи Ж. Тленшиулы, выручивший из плена казака Илецкой станицы Артемья Рыбаксова. Нам удалось обнаружить архивное дело об этом случае. В нем Ж. Тленшиулы именуется «Чуланом Тюленченом», но в деле есть грамота, за исключением имени, идентичная той, которую Ж. Тленшиулы позднее пытался предъявить П.К. Эссену в доказательство своей лояльности России (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 40б.; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 226). Более того, неточность в транскрипции

имен кочевников в российских документах первой половины XIX в. встречается регулярно, поэтому мы можем уверенно утверждать, что Чулан Тюленчен и Ж. Тленшиулы – одно лицо.

История А. Рыбакскова интересна еще и в том отношении, что в ее рамках Ж. Тленшиулы проявил ту же смелость и готовность к силовому решению проблем, которая позднее была характерна для его борьбы с Российской империей. В 1812 г., согласно показаниям А. Рыбакскова (или, в других документах, А. Рыбенскова), на российские территории проник отряд в 30 киргизцев, который и захватил автора показаний, в одиночку шедшего пешком в сумерках из станицы на приграничный форпост (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 10б.). Похитители благополучно выбрались обратно в степь и повезли раба в свои аулы, однако наткнулись на отряд под личным командованием Ж. Тленшиулы, тот немедленно с боем отбил русского пленника и отвез его в свой аул, а оттуда – на один из российских форпостов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 2). Г.С. Волконский в рамках линии поведения, описанной в первой части нашей статьи, распорядился сделать выговор илецкому атаману Донскову за то, что он слабо следил за своими подчиненными (как мы видели, А. Рыбаксков в сумерках в одиночку шел пешком в зоне потенциального киргизского набега), а Ж. Тленшиулы выдать похвальный лист (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 3-3об.).

В других случаях лояльные России киргизцы предпочитали не отбирать рабов силовыми методами для их возврата, но выкупать их. Так, в 1805 г., еще до требований Г.С. Волконского ужесточить дисциплину в пограничье, целый ряд казаков был отпущен из Сорочинской крепости и Редутского форпоста на рыбные ловли в Каспийское море (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 1-10б.). Трое казаков пропали, но в течение двух недель их вернул киргизец Тактобай Байсыков (интересно, что первый из пленников был возвращен им буквально через два дня после похищения, даже до того, как в случившемся разобрались и доложили Г.С. Волконскому) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 1-20б.). Т. Байсыкову по его просьбе тоже был дан похвальный лист (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 2-3). Из дальнейшей переписки следует, что 2 пленника были выкуплены Т. Байсыковым «за двести осмнадцать кумачей на пятьсот четыре рубля», а оставшийся – «за сто сорок восемь кумачей на двести семьдесят два рубля» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 50б.).

Даже из немногочисленных приведенных нами примеров видно, что оренбургские власти старались награждать киргизцев за освобождение российских подданных, причем делать это с учетом желаний конкретных освободителей. В частности, Т. Ауков был возведен в старшины, Б. Ермухамметеву заплатили 450 руб., Ж. Тленшиулы и Т. Байсыкову дали похвальные листы. В целом можно сказать, что в оренбургском пограничье к первой трети XIX в. была создана система, побуждавшая хотя бы некоторых киргизцев помогать российским властям в освобождении рабов.

Однако эта система, во-первых, не предполагала почти никаких действий со стороны собственно российских чиновников. Фактически в ее рамках почти вся активность по спасению рабов перекладывалась на самих киргизцев, которые находили русских рабов и доставляли их до российской границы, а затем оренбургские власти награждали их за это. В результате судьба захваченных российских подданных оказывалась в полной зависимости от доброй воли влиятельных кочевников. Тут уместно снова вспомнить судьбу А. Петровой. Напомним, что она, по мнению ее отца, находилась во владениях султана К. Нуралиева, причем отец просил послать к этому султану русского чиновника для ее освобождения – но оренбургские власти ограничились запросом к К. Нуралиеву, а последний ответил, будто бы девушка захвачена неподвластными ему людьми и продана в Хиву. Какого-либо контроля за тем, правдивы ли сообщенные К. Нуралиевым сведения, организовано не было. Соответственно, и Ж. Тленшиулы легко мог в 1810 гг., будучи лояльным России, спасти русских рабов – а в 1820 гг., вступив в конфликт с оренбургскими властями, русских рабов захватывать. Сколько-либо надежного обеспечения помощи киргизских правителей в освобождении русских рабов с подвластных им территорий в рассматриваемый нами хронологический период организовано не было.

Во-вторых, анализируемая нами система, побуждавшая некоторых киргизцев помогать российским властям в освобождении рабов, обычно не предполагала спасения конкретных лиц. Выше мы видели, что в чрезвычайной ситуации захвата в 1823 г. 2 русских офицеров задача их поиска была возложена не только на военных, но и на лояльных России киргизцев, после чего И.В. Подурова и С.А. Медведева достаточно быстро нашел Н. Аргымбаев. Видели мы и то, что А. Петров утверждал: ему удалось узнать о том, где держат в рабстве его дочь именно «через благонадежных ордынцев». Однако в тех разобранных нами случаях, которые были связаны не с поиском относительно недавно захваченных пленников, а с освобождением собственно киргизцами, без участия российских властей, рабов, уже проводших значительное время в рабстве, обычно освобождались не конкретные персоналии, на освобождение которых существовал запрос от кого-либо, а любые захваченные подданные Российской империи, которых по каким-то причинам оказывалось возможно спасти.

5. Заключение

И нам остается констатировать, что система освобождения рабов в оренбургском приграничье в первой трети XIX в. существовала, однако она была по ряду аспектов столь же неэффективна, как и система защиты местного населения от захвата в рабство. Более того, проблемы этих систем в

значительной степени совпадали. Как мы помним, в 1807 г. Г.С. Волконский отмечал, что охраняющие границу военные регулярно проявляют «слабость и нерадение о службе». А в 1816 г. А. Петров, чья дочь, вероятно, сгинула в рабстве в Хиве, жаловался на «непечность <Оренбургской пограничной> Комиссии». Подобно тому, как коменданты крепостей и станичные атаманы нередко оказывались не готовы к угрозе набегов, не следили за безопасностью мирных жителей, неоперативно и неудачно реагировали на вторжения киргизцев, так и отвечающие за спасение рабов чиновники во многих случаях не демонстрировали особой активности в деле спасения конкретных лиц, быстро сворачивали свою деятельность и возобновляли ее только вследствие внешнего давления.

Тем не менее, именно в деле освобождения рабов оренбургские власти в первой трети XIX в. добились определенных успехов, однако не благодаря собственным активным действиям, а за счет создания такой ситуации в степи, которая благоприятствовала активным действиям других сил, направленным на освобождение рабов. Наибольшую активность в этом направлении проявляли сами рабы, регулярно бежавшие в российские укрепления на границе, где их немедленно освобождали, и лояльные России киргизцы, которым за спасение российских подданных выдавались существенные награды. Существование подобной ситуации в оренбургском приграничье, по крайней мере, давало находящимся на сопредельных территориях Центральной Азии рабам, включая женщин и подданных иностранных государств, шанс на свободу.

Завершая статью, мы бы хотели подчеркнуть, что неэффективность защиты жителей оренбургского пограничья от захватов в рабство из-за пассивности значительной части местных офицеров и чиновников проставляется нам обусловленной самой спецификой глухой окраины империи, служить на территории которой не было ни престижно, ни перспективно. Схожую специфику низкой боеспособности крепостей Оренбургской линии в XVIII в., во время Пугачевского бунта, ярко описал В.Я. Мауль: «В ночь с 25 на 26 сентября казаки Нижнеозерной крепости пришли сдаваться. Бунтовщики подошли к ней и легко взломали ворота»; «Гарнизон крепости (Татищевой – авт.) был значительно более всех остальных укрепленных пунктов и к моменту нападения пугачевцев состоял не менее как из тысячи человек и 13 орудий. Во время штурма гарнизон не оказал почти никакого сопротивления» (Мауль, 2017: 360). Разумеется, в оренбургском пограничье были смелые казаки и солдаты, компетентные офицеры, равнодушные чиновники, однако общий интеллектуальный уровень и усердие к службе представителей местных государственных структур в первой трети XIX в. не следует переоценивать.

Также необходимо учитывать проблемы местной администрации в деле защиты жителей от захватов в рабство при изучении истории рабовладения в Центральной Азии. В первой трети XIX в. русские пленники оказывались в киргизских аулах, в Бухаре и Хиве не только из-за набегов кочевников, но и потому, что власти на территориях, потенциально входящих в зону этих набегов, нередко относились к своим обязанностям довольно халатно, защищали границу скорее формально – и даже могли отпустить вероятного хозяина русского раба, чтобы не мешать торговле, или послать женщину с ребенком искать пропавшего сына туда, где буквально день назад кочевники захватывали рабов.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Даль, 1838a – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- Даль, 1838b – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- Даль, 1839 – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.
- Зефирова, 2012 – Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года // Бельские просторы. 2012. № 11 (168).
- Исмаилова, 1973 – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. № 2 (72). 1973. С. 20-30.
- Кочнев, 2017 – Кочнев А.В. Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII - начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 100-104.
- Мауль, 2017 – Мауль В.Я. Крепости Оренбургской пограничной линии: строительство и судьба (по материалам Пугачевского бунта) / Сибирские строители: события и судьбы: сб. статей Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 351-361.
- Маханцова, 2012 – Маханцова Е.В. Становление и развитие общества христианского милосердия в Симбирской губернии в XIX – начале XX веков // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 45-47.

- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
 ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.
- Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.
- Стромов, 2024 – Стромов П.А. Форпосты Оренбургской пограничной линии // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2024. № 2(50). С. 272-291.
- Шабалкин, 2019 – Шабалкин А. Как прошла «общепольная жизнь» генерала Ивашева // *УлПравда* [Электронный ресурс]. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/kak-proshla-obshchepoleznaia-zhizn-general-ivasheva> (дата обращения: 26.11.2024).
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.
- Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 36-52.
- Peretyatko, 2025 – Peretyatko A.Yu. Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 33-44.

References

- Dal, 1838a – Dal, V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreya Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]
- Dal, 1838b – Dal, V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]
- Dal, 1839 – Dal, V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow, 345 p. [in Russian]
- Ismailova, 1973 – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- Kochnev, 2017 – Kochnev, A.V. (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects in Khivan captivity in the late 18th – early 19th centuries: ways of resolving the problem and the consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 423: 100-104. [in Russian]
- Makhantsova, 2012 – Makhantsova, E.V. (2012). Stanovlenie i razvitie obshchestva khristianskogo miloserdiya v Simbirskoi gubernii v XIX – nachale XX vekov [The making and development of the Society of Christian Mercy in Simbirsk Governorate in the 19th – early 20th centuries]. *Simbirskii nauchnyi vestnik*. 4(10): 45-47. [in Russian]
- Maul', 2017 – Maul', V.Ya. (2017). Kreposti Orenburgskoi pograničnoi linii: stroitel'stvo i sud'ba (po materialam Pugachevskogo bunta) [Fortresses of the Orenburg borderline: construction and fate (based on materials on the Pugachev rebellion)]. *Sibirskie stroiteli: sobytiya i sud'by: sbornik statei Vseros. nauch. konf. Surgut*. Pp. 351-361. [in Russian]
- Meyendorff, 1975 – Meyendorff, E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 180 p. [in Russian]
- ОГАОО – Об"единенный государственный архив Оренбургской области [Joint State Archive of Orenburg Region].

Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2023). A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 36-52.

Peretyatko, 2025 – Peretyatko, A.Yu. (2025). Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I. *Bylye Gody*. 20(1): 33-44.

Pochekayev, 2017 – Pochekayev, R.Yu (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factors in Russian law-making in Central Asia: 18th to early 20th centuries]. M., 384 p. [in Russian]

Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac*. Orenburg, Pp. 190-205. [in Russian]

Shabalkin, 2019 – Shabalkin, A. (2019). Kak proshla «obshchepoleznaya zhizn'» generala Ivasheva [How passed the “socially useful life” of General Ivashev]. *ULPravda*. [Electronic resource]. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/kak-proshla-obshchepoleznaia-zhizn-general-ivasheva> [in Russian]

Sozina, 2011 – Sozina, E.K. (2011). Stepnye plenniki. Literaturnaya universal'niya i ee faktual'naya kontekstnost' v otechestvennoi slovesnosti pervoi treti XIX v. [Steppe captives. Literary universality and its factual contextuality in Russian literature of the first third of the 19th century]. *Kormanovskie chteniya*. Izhevsk. Pp. 35-46. [in Russian]

Stromov, 2024 – Stromov, P.A. (2024). Forposty Orenburgskoi pogranichnoi linii [Outposts of the Orenburg borderline]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(50): 272-291. [in Russian]

Zapiski..., 1983 – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezov and I.V. Vitkevich)]. Moscow, 1983. 149 p. [in Russian]

Zefirov, 2012 – Zefirov, V. (2012). Kirgizskij plennik, ili Vzglyad na liniyu za 22 goda [Kyrgyz captive, or a look at the border over 22 years]. *Belskie prostory*. 11. [in Russian]

Защита жителей оренбургского пограничья Российской империи от захвата в рабство в 1801–1831 гг. Часть II

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу того, насколько система защиты оренбургского пограничья Российской империи в 1801–1831 гг. обеспечивала безопасность местных жителей от набегов степных кочевников, и насколько эффективно местные чиновники организовывали спасение уже захваченных в рабство российских подданных. Исследование основано на материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО), прежде преимущественно не публиковавшихся. Автор, во-первых, анализирует общую динамику числа захваченных в рабство в это время, числа погибших в ходе набегов, направленных на захват рабов, и числа освобожденных из рабства. Во-вторых, подробно разбираются хорошо задокументированные частные случаи, позволяющие понять реальные практики местных чиновников и офицеров.

Во второй части статьи показано, что к спасению из плена конкретных людей чиновники оренбургского пограничья обычно относились достаточно формально, после первых неудач предпринимая активные действия только по просьбам родственников. Исключение составляли рабы, имевшие до захвата высокий статус (офицеры) или имевшие влиятельных покровителей. В их случаях набор принимаемых для спасения мер был значительно шире. Однако большинство рабов либо спасалось самостоятельно, либо их спасали из рабства кочевники, получавшие за это вознаграждение от российских властей. Именно создание системы вознаграждений для людей, спасавших рабов из Центральной Азии, представляется направлением действий оренбургских властей, вызывающим наименьшую критику.

Ключевые слова: рабство, рабовладение, Центральная Азия, оренбургская линия, Г.С. Волконский, П.К. Эссен, Ж. Тленшиулы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)